

Ю.В. Гераськин

**Возникновение и становление института
уполномоченного Совета по делам
Русской православной церкви
при Совете Министров СССР**

Ключевые слова: церковь, храм, священник, уполномоченный, ходатайство, верующие

В 2008 г. исполнилось 65 лет со дня основания специального органа, контролирующего деятельность Русской православной церкви (РПЦ) и осуществляющего связь с ее руководством – Совета по делам РПЦ при Совнаркоме СССР. Этот орган был создан 14 сентября 1943 г., несколько дней спустя после знаменитой встречи Сталина с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) и митрополитами Алексием и Николаем, которая состоялась 4 сентября. Первым председателем Совета по делам РПЦ был назначен Георгий Григорьевич Карпов, 45-летний кадровый сотрудник НКГБ СССР в звании полковника.

Беседе Сталина с митрополитами предшествовал разговор с Карповым. Сталин отверг предложение Карпова организовать специальный орган при Верховном Совете СССР в виде отдела по делам культов и сам предложил назвать его Советом по делам РПЦ при СНК СССР. Главной функцией нового государственного аппарата, по мысли Сталина, была организация взаимоотношений между правительством и церковью. При этом Сталин предостерег Карпова от того, чтобы представлять себя обер-прокурором Синода, и рекомендовал своей деятельностью больше подчеркивать самостоятельность Церкви [1, л. 1–10; 2, с. 146–153].

14 сентября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Совета по делам РПЦ при СНК СССР. Несколько позже, 7 октября, было утверждено Положение об этом государственном органе. На Совет возлагалась задача «осуществления связи между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим рассмотрения Правительства СССР» [3, с. 90–91]. Со стороны правительства деятельность Совета в 1943–1945 гг. курировал заместитель Председателя СНК СССР В.М. Молотов. Он рассматривал представляемые Карповым доклады, отчеты, письма, итоговые записки. Решения принимались, как правило, в момент личных встреч. Кроме того, Сталин в первые годы после исторической встречи с руководством РПЦ лично рассматривал церковные проблемы.

К концу 1943 г. был сформирован центральный аппарат Совета. В составе членов Совета, кроме его председателя Г. Карпова, входили 4 человека: заместитель председателя, два члена и ответственный секретарь. Кандидатуры на эти посты утверждались непосредственно Совнаркомом по представлению Карпова. Посты председателя и его заместителя относились к номенклатурным должностям, и их утверждение проходило на заседании Секретариата ЦК ВКП (б). С согласия Молотова Карпов сохранил и должность начальника отдела в структуре НКГБ. Совмещение должностей, мыслимое первоначально как кратковременное, затянулось вплоть до увольнения Карпова из КГБ СССР в 1955 г. в звании генерал-майора. Комплектование штата центрального аппарата Совета (референтов, инструкторов, обслуживающего персонала) проходило медленно и трудно. В 1945 г. удалось полностью заполнить штаты центрального аппарата и набрать чуть более 40 человек. К началу 1944 г. была заполнена лишь половина выделенных вакансий кадров института уполномоченных на местах. Только к концу 1946 г. была решена кадровая проблема, и почти все выделенные вакансии заполнены – в республиках, краях и областях действовало 112 уполномоченных [4, с. 84–85].

В 1943 г. Сталин предлагает новый курс в отношениях с Русской православной церковью. Духовно-религиозный фактор должен был сыграть весьма существенную роль в переломе поначалу неблагоприятного для страны хода военных действий, росте национально-патриотического самосознания. Новый курс означал отказ от политики воинствующего атеизма с классовый борьбой против духовенства, которая была характерна для предыдущего периода советской истории. Произошла официальная легализация института Церкви в советском государстве. Хотя государственно-церковная симфония исполнялась по нотам государства, и уполномоченный Совета по делам РПЦ имел больше прав, чем правящий архиерей, и все же идеологического пресса образца 1920–1930-х гг. не стало.

8 сентября 1943 г. состоялся архиерейский собор Русской православной церкви в составе 19 архиепископов, который избрал митрополита Сергия патриархом Московским и всея Руси. Московской патриархии было выделено здание бывшего немецкого посольства в Чистом переулке, предоставлен автотранспорт, разрешено

издание собственного журнала, организация свечных заводов, открытие семинарий и академий. Были освобождены некоторые архиереи, находящиеся в ссылке. Священники были освобождены от службы в армии. Главное – разрешено открытие церквей в регионах, где их совсем не было или было совсем мало.

С конца 1943 г. в стране началось массовое открытие храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление «О порядке открытия церквей», согласно которому ходатайства верующих рассматривались местными органами, а в случае их одобрения пересылались в Совет по делам РПЦ. После предварительного решения Совета они поступали в Совнарком и затем снова в Совет [2, с. 155–157]. Подобная процедура была призвана дозировать открытие новых храмов. Всего в 1943–1944 гг. в Центральный совет по делам РПЦ поступило 5777 заявок об открытии церквей, а было удовлетворено только 414 ходатайств [5, с. 207]. За 1944 г. и первое полугодие 1945 г. от верующих Ивановской промышленной области поступило 600 заявлений [6, л. 157; 7, л. 216, 218]. В 1944 г. в Совет по делам РПЦ из Рязанской области поступило 300 ходатайств, открыто же было только 26 церквей [6, л. 156; 7, л. 217; 8, с. 119].

Местные власти по инерции нередко проявляли большое нежелание открывать закрытые некогда храмы. Многие заявления оседали в облисполкоме без вразумительного ответа. Только учреждение института уполномоченных по делам РПЦ позволило ускорить документооборот. Однако сложная, многоуровневая процедура рассмотрения ходатайств, предусмотренная постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г., позволяла местным властям регулировать процесс открытия церквей по своему усмотрению. В конечном счете принципиальное решение принимали облисполкомы [1, л. 1–2].

Ходатайства верующих об открытии храмов отклонялись по разным причинам: большого расстояния от храма до населенного пункта, несоответствия строительно-техническим нормам, санитарному состоянию при использовании церкви под зерносклад в случаях, когда верующие не изъявляли согласия на ремонт церковного здания своими силами.

Постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. обязало райисполкомы, отвечавшие на запросы уполномоченного с большой неохотой, с задержкой и уклончиво, высылать справки уполномоченным в 10-дневный срок с момента получения запроса. Нередко центральным органам власти в тех или иных случаях приходилось напрямую вмешиваться и отменять их неправомерные решения. Например, Совнарком РСФСР обязал Рязанский облисполком разрешить группе верующих с. Летово Рыбновского района открыть церковь в здании, отремонтированном на их средства. Ранее, 23 апреля 1944 г., облисполкомом было отклонено обращение верующих.

28 июля 1944 г. после пересмотра обращения по просьбе верующих его вновь отклонили [9, л. 25–29; 10, л. 3]. Тогда СНК РСФСР 28 августа 1944 г. отменил решение Рязанского облисполкома [10, л. 35; 11, л. 141].

Политическое руководство страны высоко оценивало патриотическую деятельность Церкви, ее вклад в дело Победы. На поместном соборе в январе 1945 г. Карпов от имени советского правительства выразил благодарность Церкви за ее патриотическую позицию и трижды поцеловался с председателем собора митрополитом Алексием [4, с. 176]. Это дало повод старому большевику В.Д. Бонч-Бруевичу, не принявшему нормализации государственно-церковных отношений, осудить Карпова за этот, его словами, «Иудин поцелуй» [12].

Как формировался институт областных уполномоченных по делам РПЦ в первые послевоенные годы? В руках уполномоченных сосредоточились: рассмотрение заявлений верующих об открытии церквей, подготовка справок, проектов-заключений, решений облисполкома, регистрация религиозных общин, служителей культа (от его решения зависела судьба священника), проведение других решений, вытекающих из инструктивных писем Совета уполномоченным на местах.

Обязанностью уполномоченного были мониторинг ситуации, информирование Центра обо всех незаконных фактах администрирования в сфере государственно-церковных отношений и амортизация их негативных последствий. В этих целях был налажен прием духовенства и верующих. Духовенство посещало уполномоченного чаще всего по вопросам регистрации религиозных обществ, иным организационным вопросам, в том числе помощи в отпуске стройматериалов, а также для разрешения конфликтных ситуаций, возникающих с местными властями. Основной мотив посещения уполномоченного верующими – выяснение результатов ходатайств об открытии храмов. Нередко шли с жалобами на препятствия, чинимые местными властями. Уполномоченные нередко оказывались в сложной, противоречивой ситуации, когда нельзя было уходить от проблем, особенно в случаях грубого несоблюдения законодательства о культурах, произвола по отношению к верующим со стороны местных партийных и государственных органов.

Критика на местную власть в большинстве случаев распространялась и на уполномоченного, которому верующие на приеме могли прямо заявить: «...Ну почему Вы запрещаете нам, православным христианам, исполнять свои религиозные обряды, а в Конституции написали – свобода религии, но издеваетесь пока над русским православным народом, он долго терпит, но потом крепко скажет...» [13, л. 240]. В первой половине 50-х гг. от верующих Рязанской епархии

шло ежегодно в среднем по 60–70 жалоб и заявлений [14, л. 42].

Что представлял собой обобщающий портрет уполномоченного по делам РПЦ послевоенной эпохи? Это был, как правило, выходец из рабоче-крестьянской среды, член ВКП(б)-КПСС, в основном с невысоким образовательным цензом (встречались порой люди с высшим образованием). Большинство уполномоченных имели опыт работы в органах НКВД-НКГБ (такова была первоначальная установка центра по подбору кадров). Словом, это были «солдаты партии». В Рязанской области с 1944 по 1952 г. уполномоченным работал И.С. Денисов, 1893 г.р., член партии большевиков с марта 1917 г., участник событий Февральской буржуазной революции в Петрограде, член Петросовета в августе 1917 г. и участник разгрома мятежа Корнилова. До Великой Отечественной войны находился на партийно-советской работе. Биография содержит интересные с точки зрения рода деятельности Денисова факты. 24 июня 1922 г. по просьбе Рязгубпарта он присутствует на собрании священнослужителей Рязанской епархии. В ноябре того же года проводит антирелигиозную лекцию в родном с. Инякино. Лекция спровоцировала драку и арест лиц, враждебно относившихся боготорческой линии партии. Таким образом, уполномоченный Денисов вполне соответствовал требованиям партийно-государственного аппарата сталинской эпохи [15, л. 1–20].

В то же время уполномоченные, будучи, как правило, выходцами из провинции, не могли не действовать по понятиям традиционного общества, когда интересы земляков были ближе предъявляемых требований. 27 августа 1947 г., не дожидаясь решения Совета Министров СССР (было принято 24 апреля 1948 г., а типовой договор с религиозным объединением с. Инякино заключен только 20 апреля 1951 г.), Денисов дал распоряжение Шиловскому райисполкому способствовать открытию храма в данном селе [16, л. 36–37]. Поскольку должность уполномоченного не была напрямую инкорпорирована в местную партийно-советскую вертикаль власти, его статус был не вполне понятен местной номенклатуре. Поэтому поначалу райисполкомы отвечали на запросы уполномоченного с большой неохотой, с задержкой и уклончиво. Его приемная находилась в старом, сыром деревянном доме, что постоянно побуждало Денисова жаловаться в облисполком с требованием предоставления нормальных условий работы [17, л. 54–55]. Уполномоченному не была выделена персональная служебная машина. Зная ограниченность автомобильного парка облисполкома, Денисов даже не ставил вопроса о выделении ему транспорта. Несмотря на то, что в марте 1945 г. на места из Москвы была отправлена телеграмма за подписью В.М. Молотова с требованием обеспечить уполномоченных необходимыми условиями работы, даже

такого рода указания далеко не всегда в полном объеме и беспрекословно исполнялись местными советскими органами [18, с. 77–79].

Штат уполномоченного по делам РПЦ состоял обычно из трех единиц, включая самого уполномоченного, секретаря и машинистку. Денежный фонд штата ивановского уполномоченного С.А. Виноградова распределялся так: 1500 рублей получал уполномоченный, 300 рублей – секретарь 250 рублей – машинистка [19, л. 1].

Совет по делам РПЦ при СНК(Совмине) СССР регулярно проводил проверки работы уполномоченных и заслушивал их отчеты. Весной 1945 г. в Совете рассматривался вопрос о работе воронежского уполномоченного В.С. Гостева. Совет отметил, что в целом им проделана значительная работа по изучению церковной жизни на вверенной территории. При этом было обращено внимание на такие недочеты в его работе, как «медлительность в рассмотрении заявлений верующих, чем вызвано поступление с их стороны большого количества жалоб», недостаточно обстоятельное изучение заявлений верующих, медленная регистрация священников и действующих приходов. Уполномоченному было рекомендовано «не допускать вмешательства во внутрицерковные дела епархии (назначения, перемещения, увольнения духовенства, собрания благочинных и т.п.), если эти вопросы не поставлены перед уполномоченным правящим епископом».

В результате этих рекомендаций установились относительно нормальные отношения между Гостевым новым правящим архиереем Иосифом (Ореховым), что, впрочем, не помешало уполномоченному написать на владыку отрицательную характеристику в Совет по делам РПЦ [20; 21, л. 8–9].

До начала 1947 г. Совет по делам РПЦ находился под опекой МГБ. В 1946 г. Совет Министров СССР принял на основе информации службы госбезопасности 6 постановлений и 33 распоряжения [22, л. 11]. Несмотря на то, что значительную часть кадрового состава Совета по делам РПЦ составляли офицеры госбезопасности, четырех уполномоченных сняли за вымогательство взяток у ходатаев, в отношении еще четырех велось следствие. Кадровая проблема на местах была чрезвычайно острой, поскольку работа уполномоченного синекурой не считалась, на нее особо не рвались. Об этом говорит следующий факт. Чекист Н.Д. Медведев, бывший тамбовский уполномоченный, просившийся назад в родное ведомство, в 1947 г. был уволен из органов за занижение оценки трофейного имущества. В 1949 г. уже лишь 20 уполномоченных были выходцами из спецслужб. 4 августа 1952 г. Карпов жаловался в ЦК на засоренность Совета по делам РПЦ в центре и на местах случайными кадрами, не готовыми к внешне деликатной и терпеливой, но жесткой работе со священниками

и верующими. Он предлагал новому руководителю МГБ Игнатьеву помочь Совету в решении кадрового вопроса и восстановить тот порядок, который был в Совете до освобождения Меркулова из МГБ [23, л. 56].

По результатам проверки работы ивановского уполномоченного выяснилось, что он совмещает несколько должностей и не имеет отдельного помещения. Совет по делам РПЦ поставил перед Ивановским облисполкомом соответствующие вопросы об устранении нарушений. В августе 1945 г. уполномоченный С.А. Виноградов был награжден медалью «За трудовую доблесть» [5, с. 338; 24, л. 594; 25, л. 199].

В 1948 г. по настоянию Ивановского обкома ВКП(б) Совет по делам РПЦ поставил Виноградову в вину открытие 39 храмов. Ему на смену пришел новый уполномоченный И.И. Филиппюк, работавший до этого назначения начальником секретного отдела треста «Рославхлеб» в Иваново. В августе 1948 г. Карпов информировал правительство, что в Ивановской и ряде других областей были отклонены все ходатайства. В 1949 г. Филиппюк внес в Совет по делам РПЦ предложение о целесообразности прекращения богослужений в сельских храмах на период полевых работ, ограничивая духовенство только исправлением религиозных треб. Совет счел это предложение неправильным и несвоевременным [22, л. 50; 26, л. 183–184].

Аналогичная замена уполномоченного с соответствующим ужесточением политики в отношении Церкви имела место во Владимирской области, где П.А. Сергиевского, имеющего высшее педагогическое образование, сменил менее образованный, но бескомпромиссный К.М. Тупиков. Буквально сразу же после кадровой смены епископ Онисим пишет жалобу патриарху на действия нового уполномоченного [27, л. 4; 28, л. 85; 29, л. 35, 37–38, 40].

В 50-е гг. кадровый уровень уполномоченных становится выше, чем он был в годы войны, в условиях лихорадочного подбора людей. В 1952 г. уполномоченным Совета по делам РПЦ в Рязанской области становится Сергей Иванович Ножкин, 1904 г.р., уроженец Рязанской области. Он вполне сгодился для последовавшей спустя некоторое время эпохи «оттепели», для которой было характерно определенное недоверие к работникам КГБ. По образованию он был педагогом и отличался от всех рязанских уполномоченных уровнем образования. Имел 13 лет стажа педагогической деятельности, работал директором Рязского педагогического техникума, а в годы войны – преподавателем общественно-гуманитарных дисциплин в тамбовских военных училищах. В качестве партийного работника курировал учреждения культуры и образования. С 1950 г. – инструктор отдела пропаганды и агитации Рязанского обкома ВКП(б).

Уполномоченный С. Ножкин, по оценке руководства Совета по делам РПЦ, «в основном, правильно строил свои взаимоотношения с епископом», а тот «прислушивался к его рекомендациям». Однако Ножкин этим не ограничился и начал вызывать к себе на беседу лиц, подготавливаемых Церковью для посвящения в духовный сан, тем самым превышая свои полномочия [30, л. 56; 31, л. 36]. Тамбовскому уполномоченному П.И. Чаузову до своего назначения на пост в 1961 г. пришлось поработать и учителем и начальником областного отдела народного образования.

Поскольку в вопросах об открытии или возобновлении деятельности храмов мнение уполномоченных было решающим, попытки «купить» уполномоченных были на местах нередким явлением. При затягивании рассмотрения ходатайств верующих складывалось впечатление, что уполномоченный это делает сознательно, ожидая благодарности за «хлопоты». В 1952 г. со стороны священника Н.Г. Пронского, настоятеля церкви с. Некрасовка Ермишинского района, имела место попытка дать взятку в 200 рублей рязанскому уполномоченному С.И. Ножкину.

Взятка, со слов уполномоченного, была предложена в поддержку ходатайства о снижении подоходного налога. Последовало заявление Ножкина в прокуратуру, но следствие по делу было приостановлено, поскольку дача денег была квалифицирована как попытка благотворительного взноса «на общегуманитарные цели». Попытки «ублажить» уполномоченного повторялись и позднее. В 1955 г. верующие п. Елатьма, добиваясь открытия храма, приобщили к ходатайству 7 тетрадей с 1032 подписями и собрали 2 тыс. руб. на взятку уполномоченному [32, л. 1–11; 33, л. 1–13; 34, л. 2, 4].

В 1954 г. Тамбовской епархии были зарегистрированы две попытки передать взятки уполномоченному верующими с. Вторая Иноковка Кирсановского района и с. Пахотный Угол Бондарского района. Помимо советских денежных знаков к взятке были присовокуплены золотые червонцы царской чеканки. После угрозы уполномоченного вызвать милицию деньги пытались просто подбросить в кабинет. Дело о попытке дать взятки дошло до судебного разбирательства. Поскольку взяткодатели были, как правило, людьми престарелыми, суды, принимая во внимание возраст подсудимых, ограничивались условным наказанием [35, л. 70–71].

В ряде регионов взаимодействие архиереев и уполномоченных складывалось непросто. Серьезные коллизии имели место во Владимирской области. Об этом свидетельствует письмо владыки Онисима от 4 марта 1952 г. на имя патриарха Алексия, в котором излагается жалоба на уполномоченного К.М. Тупикова. Суть жалобы такова: «Не регистрирует назначенного мною священника, не сообщает о причинах отказа от регистрации, начал закрывать храмы

без уведомления Епархиального управления о закрытии и о причинах, вызвавших эту крайнюю меру» [36, л. 45–47, 13].

Если 1939–1958 гг. в целом можно охарактеризовать как довольно стабильный период в отношениях государства и церкви, то в последующем государственная машина попыталась ликвидировать религию в процессе строительства коммунистического общества, поставить под тотальный контроль обрядовую и финансовую деятельность Церкви. Уполномоченные Совета по делам РПЦ на местах перешли от арбитражной к карательной политике. На этом пути партийно-государственное руководство столкнулось с парадоксальной живучестью обрядов и беспрецедентным финансовым вкладом населения в экономику Церкви.

В годы хрущевских гонений на религию для надзора за деятельностью церковных структур подыскиваются кадры, соответствующие характеру принимаемых решений. Начинается перестановка кадров. После критического выступления патриарха Алексия I на конференции советской общественности по разоружению в феврале 1960 г. был уволен с поста Председателя Совета по делам РПЦ Карпов, стоявший у основания политики нормализации отношений с церковью, а потому не принявший курса на конфликт с ней. Его преемником стал партийный функционер, в прошлом идеологический работник В.А. Куроедов, автор ряда апологетических книг о положении церкви в СССР [37, л. 10, 125].

Соответствующая новым требованиям кадровая смена проводится и в регионах. В 1963 г. С. Ножкин переводится с поста уполномоченного Совета по делам РПЦ на должность заместителя начальника управления культуры Рязанского облисполкома. Позже работает преподавателем научного атеизма в сельскохозяйственном институте и лектором в обществе «Знание». Ему на смену приходит П.С. Малиев, пенсионер НКВД-МГБ, в прошлом служивший начальником отдела кадров «Смерш» и МГБ в Дальневосточном, Приволжском военных округах, оперативном секторе советской военной администрации земли Саксония в Германии, Калужской и Рязанской областях [38, л. 18–19; 39, л. 56]. Представители подобной генерации уполномоченных были поставлены и в других регионах. Например, в Тамбовской области уполномоченным стал тоже кадровый офицер НКВД-КГБ А.И. Зверев [40–41].

В начале 60-х гг. в религиозной политике государственных органов явно обозначились рецидивы секуляризма. На основании устного распоряжения заместителя председателя облисполкома В.И. Маслова здание епархиального общежития по ул. Ленина, 19 отводится под контору рязанского уполномоченного по делам РПЦ. Уполномоченный дает распоряжение в ГАИ не регистрировать 2 машины епархии как

приобретенные без письменного согласования с ним [42, л. 8–11].

Ивановский уполномоченный Н.А. Желтухин характеризовал свои отношения с управляющим Ивановской епархией митрополитом Антонием (Кротевичем) так: «Митрополит Антоний... взаимоотношения с органами власти строил правильно. Все принципиальные вопросы решал только по согласованию с уполномоченным Совета. По прибытию в Иваново, безвозмездно передав городу дом епархиального управления, библиотеку, две автомашины «Волга». Для епархиального управления отремонтирован был другой дом, меньшего размера. Из епархиальных средств достаточно значительные суммы (до 40000 рублей) вносил в Фонд мира» [43, л. 66; 44, с. 20–22; 45, с. 41–46; 46, с. 7].

В 1965 г. был создан новый орган осуществления вероисповедной политики государства – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Он объединил функции упраздненных Совета по делам РПЦ и Совета по делам культов (органа, занимающего иными конфессиями). Политическое руководство эпохи Брежнева взяло курс на дальнейшую легализацию Церкви с целью встраивания ее партийно-государственную машину и в концепцию «развитого социализма». К преемственности во взглядах советских руководителей на церковь как отживший, архаичный общественный институт брежневское политическое руководство добавило некоторые новые подходы. В целом суть состояла в подмене духа истинного православия внешними формами, более или менее удовлетворяющими западное общественное мнение.

Антирелигиозные акции перестали носить масштабный характер. Была взята линия на отход от ориентации на количественные показатели в атеистической работе. Наделение Церкви признаками ограниченного юридического лица свидетельствовало об отказе от политики ликвидации церковной экономики. Прямое политическое насилие меняет жесткая регламентация деятельности церкви, административного и законодательного контроля с целью выявления и устранения нарушений. Воинственно-атеистическая пропаганда меняется на научно-атеистическую. Табуировалось участие церкви в патриотической, благотворительной деятельности и социальном служении. В целом продолжала действовать прежняя линия на вытеснение Церкви из общественной жизни, правда, она уже не носила форсированного характера. На протяжении всех периодов советской истории церковь вытеснялась в одну нишу – миротворческой деятельности. Полнокровным субъектом государственно-конфессиональных отношений Церковь в годы нахождения у власти Брежнева так и не стала.

В 1970-е гг. посты уполномоченных начинают занимать новая генерация представителей номенкла-

туры, уже не являющихся выходцами из спецслужб. 20 октября 1976 г. уполномоченным по делам религий решением Рязанского облисполкома был назначен Е.И. Борисов. К этому времени стал давно очевидным факт явной кадровой передержки, связанный с прежним уполномоченным П.С. Малиевым. Дело было не столько в пенсионном возрасте Малиева. Новому этапу государственно-церковных отношений он как человек, наделенный ментальностью «чрезвычайной» эпохи, соответствовал мало. Необходимость его замены на человека «гражданского» была очевидной.

Новый (и последний) рязанский уполномоченный был типичным представителем партноменклатуры среднего звена брежневской эпохи. Е.И. Борисов родился в 1925 г. в Муромском районе Владимирской области. По образованию инженер-механик. После окончания Московского механического института прошел трудовой путь от мастера до начальника цеха Рязанского станкостроительного завода. В 50-е гг. работал главным инженером районной МТС. С 1962 г. на партийной и советской работе: инструктор отдела, 2-й секретарь Железнодорожного райкома КПСС в Рязани. После окончания ВПШ при ЦК КПСС в 1967 г. назначен председателем Железнодорожного райисполкома Рязани, в этой должности проработал 9 лет [47, л. 181–182].

Пришедший с началом перестройки на смену В. Куроедову новый председатель Совета по делам религий при Совмине СССР К.М. Харчев олицетворял собой представителя плеяды выдвиженцев эпохи перестройки. Занимая пост секретаря Приморского крайкома КПСС по идеологии, он не сработался со своим непосредственным партийным начальством и был направлен на учебу в Дипломатическую академию. После обучения работал послом в Гайане [48, с. 183–184].

Фигура председателя Совета по делам религий К. Харчева стала популярной у журналистов. В мае 1988 г. в журнале «Огонек» корреспондент А. Нежный опубликовал интервью с Харчевым с целью показать один рабочий день в жизни председателя Совета, состоявший из приема верующих с жалобами на местные притеснения и просьбами дать разрешение на возвращение или постройку храма.

Канадский историк Поспеловский считает, что смелое выступление Харчева в марте 1988 г. перед слушателями Высшей партийной школы выдает его в как хитрого и инициативного партийного аппаратчика, который разработал мероприятия по «приручению» верующих государством [49, с. 392].

Председатель Совета по делам религий приветствовал поддержку, оказываемую политическим руководством Горбачева верующим, отметив при этом важную роль верующих в процессе обновления: «Верующие поддерживают курс партии на коренное

обновление нашего общества. Они видят в перестройке заботу партии, государства о сохранении мира, об утверждении принципов социальной справедливости, о чистой нравственной атмосфере общества» [50].

28 января 1988 г. Советом было принято постановление «О фактах нарушения установленного порядка рассмотрения заявлений о регистрации религиозных объединений». Рассмотрев предложения своих отделов и уполномоченных по узаконению деятельности религиозных объединений, длительное время добывающихся регистрации, Совет отметил, что вследствие имеющих место устаревших стереотипов в отношении верующих граждан не принимается должных мер по рассмотрению их заявлений. Результатом стало осложнение религиозной обстановки и возникновение конфликтных ситуаций. На строгое соблюдение социалистической законности, обеспечение конституционных гарантий свободы вероисповедания в условиях перестройки нацеливал уполномоченных по делам религий всероссийский двухдневный семинар, проведенный в начале апреля 1988 г. в Суздале [51]. Накануне семинара в середине марта 1988 г. Совет по делам религий направил на места информационное письмо, в котором приводились примеры допущенных партийно-советскими органами ошибок в подборе и расстановке кадров региональных уполномоченных. Так, в Ярославской области за 4 года сменилось четверо уполномоченных; некоторые из них были уволены за должностные и аморальные проступки (ростовский уполномоченный осужден по уголовной статье) [52].

По инициативе нового председателя Совета по делам религий отменили практику предъявления паспортов при крещении. Но как только Харчев предпринял попытку освободить Церковь от контроля КГБ, он был снят со своего поста и вновь отправлен на дипломатическую работу. Его место занял Ю.Н. Христораднов. Одной из причин разногласий с первым заместителем председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобковым было внесение в проект закона о свободе совести пункта об альтернативной армейской службе. В 1989 г. на страницах «Огонька» Ю.Н. Христораднов сделал ряд сенсационных в ту пору разоблачений, заявив, например, что один из его заместителей являлся штатным работником КГБ [48, с. 183–184, 189].

Нарушения установленного порядка рассмотрения заявлений порождали недовольство верующих. В 1989 г. начинается ожесточенная борьба верующих за храмы. В марте в Иванове имела место голодовка 4-х женщин с требованием законной передачи верующим Свято-Введенского храма, община которого была зарегистрирована Советом Министров СССР еще в 1988 г. Уполномоченный А.А. Лысов, не сумевший оперативно разрешить конфликтную ситуацию,

стал объектом критики со стороны журнала «Огонек» [53, с. 17–19].

В октябре 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях», а Верховный Совет РСФСР – Закон «О свободе вероисповеданий». Согласно союзному закону Совет по делам религий при Совмине СССР получил статус информационного, консультативного и экспертного центра. Российское законодательство

вместо Совета по делам религий предусматривало Комиссию по свободе совести и вероисповедания при Верховном Совете РСФСР. Эти законодательные акты подвели черту под почти 60-летней историей института уполномоченных Совета делам РПЦ (религий) при Правительстве СССР, которые, являясь своего рода посредниками между государством и церковью, осуществляли правовое регулирование деятельности религиозной жизни общества.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Диспут. – 1992. – №3.
3. ГА РФ. – Ф. 5446. – Оп. 1. – Д. 219.
4. Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны / М.И. Одинцов. – М., 2005.
5. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.В. Шкаровский. – М., 1999.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 313.
7. ГА РФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 3.
8. Исторический журнал. – 1995. – №4.
9. ГА РФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 1.
10. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 1.
11. ГАРО. – Ф. Р-3789. – Оп. 2. – Д. 111.
12. Отдел рукописей РГБ. – Ф. 360. – К. 67. – Д. 2.
13. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 55.
14. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 22.
15. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 144. – Кор. 6. – Т. 2.
16. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 117.
17. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 28.
18. Чумаченко, Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК(СМ) СССР в 1943–1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата / Т.А. Чумаченко // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. – М., 2003.
19. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. Р-2953. – Оп. 1. – Д. 201.
20. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 11.
21. ГАВО. – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 68.
22. ГА РФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 2.
23. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 65.
24. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 130.
25. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 569.
26. ГА РФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 29.
27. ГА РФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 323.
28. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 6.
29. ГАИО. – Ф. Р-2953. – Оп. 1. – Д. 374.
30. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 869.
31. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 2. – Д. 84.
32. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. П-100. – Оп. 6. – Д. 346.
33. ГАРО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 249. – Кор. 643.
34. Архив администрации Тамбовской области. – Ф. 3443. – Оп. 1. – Д. 379.
35. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 34. – Д. 25.
36. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 42.
37. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Ф. Р-5220. – Оп. 2. – Д. 16.
38. ГАВО. – Ф. Р-3789. – Оп. 1. – Д. 1132.
39. ГА РФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 869.
40. Куроедов, В.А. Советское государство и церковь / В.А. Куроедов. – М., 1976.
41. Религия и церковь в советском обществе. – 2-е изд., доп. – М., 1984.
42. ГАРО. – Ф. П-925. – Оп. 62. – Д. 36.
43. ГАИО. – Ф. Р-2953. – Оп. 6. – Д. 6.
44. Федотов, А.А. Архипастырь / А.А. Федотов. – Иваново, 1998.
45. Федотов, А.А. История Ивановской епархии / А.А. Федотов. – Иваново, 1998.
46. Амвросий (Щуров), архиеп. Слово архипастыря / Амвросий (Щуров). – Иваново, 1997.
47. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 73.
48. Нежный, А. Комиссар дьявола / А. Нежный. – М., 1993.
49. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М., 1954.
50. Наука и религия. – 1987. – №2.
51. Долматов, В. Сопровождение в Суздале уполномоченных по делам религий по автономным республикам, краям и областям РСФСР / В. Долматов // Советская Россия. – 1988. – 7 апр.
52. ГАРО. – Ф. Р-5629. – Оп. 1. – Д. 167.
53. Огонек. – 1989. – №28.